

Жюльетта
Бенцони

Juliette Benzoni

LA GUERRE DES DUCHESSES

Война герцогинь

Дочь дуэлянта

Принцесса вандалов

Жюльетта
БЕНЦИНИ

Принцесса вандалов

Москва
«ЭКСМО»
2015

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б46

Juliette Benzoni

LA GUERRE DES DUCHESSES
Tome 2: PRINCESSE DES VANDALES
Copyright © Plon, 2013

Перевод с французского *М. Кожевниковой*

Художественное оформление *С. Ляха*

Бенцони, Жюльетта.

Б46 Принцесса вандалов / Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр. М. Кожевниковой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 448 с. — (Жюльетта Бенцони. Королева французского романа).

ISBN 978-5-699-79540-6

Изабель, герцогиня де Шатильон, после смерти неверного супруга оказывается в самом центре крупного политического заговора. В разгаре Фронда принцев, и Изабель вынуждена встать на сторону своего возлюбленного, принца де Конде, но потерять из-за этого доверие короля Людовика XIV и вдовствующей королевы Анны...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-79540-6

© Кожевникова М., перевод
на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Часть первая

Цирцея

Глава I

Когти льва

Целый месяц провела Изабель в Шатильоне, и все это время гнев если и оставлял ее, то только во сне. Впрочем, и это не так. Ей и ночами снились полные гнева сны.

Дни молодой герцогини были полны хлопот. Изабель старалась вновь наполнить пустые амбары и кладовые. Принц де Конде со своими молодчиками успел уничтожить все припасы в замке и опустошил погреба горожан, хотя и объявил во всеуслышание, что «из уважения к памяти покойного герцога Гаспара, который сражался с ним рука об руку», не будет ни у кого ничего забирать. Низкий лицемер! По счастью, у герцогини Шатильонской не было недостатка в деньгах. Она снабдила ими своего верного Бастия и отправила его вместе с другими слугами в Монтаржи. Городок этот имел неоспоримое счастье принадлежать непотопляемому Месье — герцогу Орлеанскому, брату короля Людовика XIII. Герцог обладал завидным умением с выгодой менять друзей и взгляды, однако с самого начала Фронды поддерживал де Конде и именно поэтому сохранил зерно в ригах и бочки с вином в подвалах.

Затем герцогиня занялась приведением в порядок самых пострадавших домов в городке и, конечно же, своего многострадального замка.

Сделав что было возможно, вернув жизнь в привычное русло и отдав необходимые распоряжения слугам, Изабель поспешила в столицу, где расположился де Конде со своим главным штабом, воспользовавшись тем, что юный Людовик XIV, его мать, Анна Австрийская, и немногочисленные преданные им придворные находились в летнее время в замке Сен-Жермен.

Изабель не хотела вновь оказаться в Монтаржи, где, вполне возможно, по-прежнему пребывала герцогиня де Лонгвиль, и она решила добраться через Питивье и Бельгард до Этампа, а дальше следовать в Париж по орлеанской дороге. Бельгард¹, соответствуя названию, был хорошо вооруженной крепостью, и принц де Конде, снова встав на путь мятежа, назначил главным в ней Франсуа де Монморанси-Бутвиля, младшего брата Изабель. Любимого младшего брата! А он и пальцем не пошевелил, когда де Конде, обожаемый им военачальник, разорвал земли и замок сестры, которую Франсуа будто бы очень любит!

— А нужно ли нам заезжать в Бельгард? — отважился поинтересоваться Бастиль, когда госпожа сообщила ему, как они поедут.

— Не только нужно — необходимо! — решительно ответила Изабель. — Не хочу держать в себе обиду. Злость и обида разъедают душу!

¹ В переводе означает «надежно охраняемый». (Прим. пер.)

— Обида может увеличиться. Столкни два кремня, посыпятся искры...

— Искры не всегда чреватые пожаром. Я должна поговорить с братом!

— А что, если он не расположен вас видеть?

— Никогда не поверю, что брат решится отказать мне в свидании. Он слишком хорошо меня знает!

И, действительно, как только они приблизились к ощерившимся пушками стенам Бельгарда и Бастий назвал имя госпожи де Шатильон, как решетка ворот поднялась и мост опустился. Более того, навстречу сестре выбежал сам Франсуа де Бутвиль и подал руку, чтобы помочь ей выйти из кареты. На лице его сияла улыбка.

— Вот нежданная радость! Я уж отчаялся когда-нибудь свидеться с вами! Почему вы не приехали ко мне раньше?!

Темные, весело поблескивающие глаза, тонкие губы, тронутые ласковой, чуть насмешливой улыбкой, длинный острый нос — молодой человек был похож на хитрого лиса. Если бы не горб, что согнул его спину, он был бы довольно высокого роста, но никто не вспоминал о горбе, видя изящество и живость его движений. Дерзкий бретёр, лихой наездник, Франсуа обожал женщин, и они платили ему взаимностью, не в силах устоять перед его обаянием. К тому же он успел прославиться как военачальник, обучившись искусству войны у великого Людовика де Конде, который был образцом для него, если не сказать, божеством. Де Бутвиля обожали солдаты, что случалось не часто, а де Бутвиль был внимателен к их нуждам, что бывало еще реже. Отваги и мужества ему было не занимать, в чем сестра его не замедлила убедиться.

— И вы еще спрашиваете?! — возмущенно накинулась она на него. — Самодовольства, я вижу, у вас предостаточно! Но если вы хотели меня видеть, скажите лучше вы, что вам помешало? Не пожелали смотреть, как умирают от голода и жажды мои горожане?! А почему вы не вмешались? Вы могли бы помешать, а не потворствовать вашему дорогому принцу, когда он грабил мой город, словно вражеский!

— Но я все это время просидел в Бельгарде! Я не был в ваших краях, сестричка! И понятия не имею, что там у вас творится.

— Расскажите это кому-нибудь другому, но только не мне, Франсуа! Я никогда не поверю, что вы понятия не имеете о безобразиях, учиненных в моем замке!

Лицо Франсуа стало очень серьезным.

— Принца можно понять, Изабель! Понять и простить. Под Блено он выстоял, но день был невыносимо тяжелым... Принц был вымотан, ранен... За ним чуть ли не гнались враги, поэтому дружеский кров...

— Под дружеским кровом не творят бесчинства! Там не крушат все, что видят, там не гадают, не опустошают закрома и не выгаптывают поля! Нет, я не готова его понять и тем более простить!

— И все-таки придет день, когда вы его простите! Однако... Не кажется ли вам, что нашу беседу мы продолжим с большим удовольствием, если вы переступите порог моего дома? Тем более что я приглашаю вас разделить со мной трапезу. Ваш покорный слуга, госпожа де Рикю, — обратился он к Агате, которая терпеливо ждала, когда ее госпожа, наконец, соизволит сойти со ступеньки кареты и даст возможность ей тоже спуститься на землю.

Они вошли в дом, и хозяин повел дам к столу с такой непринужденностью, словно развлекал их в милом загородном павильоне, а не в крепости, оцетинившейся пушками. Обед был не изобилен, но вкусен, а Франсуа так внимателен, любезен и весел, что горькие обиды Изабель начали понемногу таять. Да и какими бы ни были ее обиды, сердиться долго на Франсуа она не могла. А он, внезапно сделавшись серьезным и озабоченным, спросил:

— Почему вы вдруг решили ехать через Бельгард, а не через Монтаржи? Хотели повидаться со мной?

— Желание повидать вас не кажется вам серьезным поводом? Да, я хотела, чтобы вы узнали, что я думаю... о вашем поведении. И нисколько не хотела вновь увидеться с нашей дорогой кузиной де Лонгвиль.

— Но в Монтаржи ее уже нет. Как нет де Немура и де Ларошфуко, хотя я бы не смог вам сказать, где «их ноги оставляют следы», пользуясь изысканным выражением милейшей мадемуазель де Скюдери. Кстати, я не без грусти вспоминаю порой наши, такие приятные, вечера в Голубой опочивальне госпожи де Рамбуйе. Боюсь, нам больше никогда не испытать таких невинных и изысканных радостей!

— И кто в этом виноват? Мне смертельно скучно в сотый раз повторять одно и то же, и я не стану этого делать. Но я точно знаю, что вы пришли в этот мир не для того, чтобы рабски поклоняться принцу де Конде. Вместо того чтобы следовать за ним в его заблуждениях, было бы достойнее вернуть его к исполнению долга перед королем.

— А я уже сто раз говорил вам, — сердито откликнулся Франсуа, бросая салфетку, — что принц готов служить королю, но не Мазарини!

— Да! Вы повторяете это без конца, но мне кажется, усвоили теперь и другое: вести войну против него нельзя без помощи испанцев! А почему бы вам не взять за образец герцога де Бофора?

— Короля Чрева Парижа? Он успел обольстить и вас?

— Меня — нет, мое сердце вовсе не с ним, но я вижу, что он не путает цель и средства и отказался присоединиться к нашему дядюшке Анри де Монморанси, когда тот затеял войну, стоившую ему жизни. И не потому, что боялся Ришелье, который был на сто голов выше Мазарини. Ришелье он тоже презирал и ненавидел.

— Я знаю причину его отказа, — вздохнул Франсуа, внезапно посерьезнев. — Де Бофор в приливе откровенности как-то открыл ее принцу, и случилось нечаянно так, что я, сам того не желая, слышал их разговор.

— Мне было бы приятнее, если бы со мной вы обошлись без досадных выдумок, ведь я вас вижу насквозь, — упрекнула брата Изабель с улыбкой.

— Ну хорошо, я подслушивал! И был очень расстроган. Ненависть была вызвана человечнейшей из причин: с того дня, когда он впервые склонился в поклоне перед королевой, он влюбился в нее. После смерти Людовика XIII она вознесла его на недостижимые высоты, безрассудно доверив ему своих сыновей и королевство.

— Может быть, она тоже его любила? Он с его красотой и доблестью достоин любви.

— Об этом он не говорил, но принц полагает, что он был ее любовником и что... Но не будем об этом. В общем, в нескольких словах: появился Мазарини. Бофор затеял против него заговор и оказался

на пять лет в Венсенском замке. Он сидел бы там и дальше, если бы не ухитрился сбежать. И откуда?! Из главной башни! Теперь он коллекционирует любовниц, но это ничего не значит. Его любовь неизменна, и он своей шпагой никогда не будет служить испанцам.

— Но ведь и сама королева, она никогда не забывала, что была инфантой...

— Безусловно, и де Бофор был на ее стороне и устраивал заговоры против Ришелье, зная, как она несчастна. Он собирался увезти ее.

— Увезти королеву? Нужно быть сумасшедшим!

— Он и был безумцем. Безумие со временем прошло, любовь осталась. Инфанты больше нет, а есть мать французского короля, которая хочет быть такой же истовой француженкой, как и герцог.

— Красивая история! — вздохнула Изабель. — Почему бы вам не вдохновиться ею?

— Я с детства отдал себя юному герою, чья слава ослепила меня раз и навсегда. И последую за ним повсюду. Если понадобится, в ад... Понадобится, на эшафот!

Изабель торопливо перекрестилась.

— Подумайте о нашей матери! В двадцать лет ей довелось пережить гибель супруга, которого она любила всем сердцем! Не отнимайте у нее сына, которого она хотела, но не успела подарить любимому мужу! Не лишайте меня любимого младшего брата! Вспоминайте о нас хоть одну секунду перед сном!

Франсуа поцеловал сестру и спросил:

— Вы не хотели бы немного у меня задержаться?

— Нет, не могу. К ночи мне нужно быть в Этампе.

— Не знаю, удастся ли вам проехать. Маршалу де Тюренну удалось запереть в Этампе войска Конде,

которыми командует Шаваньяк. Полагаю, что по дороге на Париж вам не раз придется встретиться то с теми, то с другими. На всякий случай я вам дам охранную грамоту. Но если вам представится случай повстречать господина принца, не будьте к нему чересчур суровы.

— Что вы! Я стану рассыпаться перед ним в благодарностях. Мне есть за что его поблагодарить и с чем поздравить.

— Черт бы вас побрал, несносная упрямица! Мне не надо бы вам это говорить, но имейте в виду, что в Париж принц приехал, охваченный сомнениями. Парижане встретили его восторженно. Но... Я чувствую, он устал от бесконечных сражений, которым не видно конца! И если бы двор приложил со своей стороны немного...

— Но чего принц, в конце концов, добивается? Мазарини странствует неведомо где, за пределами Франции, со своими людьми и племянницами. У него нет больше дома, нет ни своей постели, ни шкафов, ни книг и картин. Одним словом, он нищий изгнанник!

— Сам Мазарини распустил такие слухи. На самом деле он только что перешел восточную границу во главе небольшой армии. И он постоянно обменивается с королевой шифрованными посланиями.

— Веря непроверенным слухам, люди совершают самые большие глупости. Но, если Мазарини в самом деле во Франции, то отправляйтесь ему навстречу, а не хоронитесь в вашей кротовой норе. Устройте ему хорошую взбучку, отправьте его туда, откуда он пришел! А то и вовсе избавьте от него навсегда нашу несчастную землю!

— А вы, оказывается, кровожадная! Но по сущест-

ву вы правы. И вполне возможно, я последую вашему совету!

— А если последуете, то хоть немного поберегите себя, дорогой братик! Так уж случилось, что, несмотря ни на что, я вас очень люблю!

И это было самое малое, что она могла ему сказать...

В карету Изабель села со стесненным сердцем, хотя ничего нового для себя не открыла. На своем собственном опыте она извела магическое обаяние Людовика де Конде, хотя труд любить его был очень нелегким... Принц был некрасив, неистов, груб до жестокости, но это ничего не меняло. Его обожали. Кто знает, может, сияющий ореол его славы слепил глаза мужчинам и кружил головы женщинам? Изабель, повзрослев, научилась не слушаться своих порывов, сумела разглядеть в герое человека, но Франсуа еще маленьким мальчиком был ослеплен отважным героем, он в самом деле ослеп, и эта слепота могла довести его, взрослого, до измены! Что значил король по сравнению с обожаемым кумиром? Он последует за своим героем в ад, положит голову на плаху, если их кровь смешается на черном полотне эшафота! И это будет воистину бедой и горем, потому что последний из де Монморанси, кроме отчаянной храбрости, унаследованной от отца, обладает гордой возвышенной душой, острым умом, блестящим чувством юмора и благородным сердцем, хотя его язвительное остроумие наживает ему не только друзей, но и врагов. Изабель поклялась себе, что будет опекать младшего брата — она была немногим старше него, — что сделает все возможное и невозможное, лишь бы его слава засияла не менее ярко, чем слава его идола. Но она не пойдет

по стопам Лонгвильши, чей пагубный пример был у нее перед глазами. Анна-Женевьева де Лонгвиль под предлогом любви к брату запятнала его славу, воспользовалась ею, чтобы утвердить свою власть над мужчинами. Обуянная гордостью и уверенностью, что де Конде «равны богам», не постыдилась разорять королевство! Для того чтобы Франсуа уцелел и не погиб позорной смертью, Изабель должна была воззвать к его разуму, освободить от заблуждений! Но возможно ли это?..

Прежде чем Изабель добралась до Этампа по дорогам, разоренным войной, которую она считала преступной, карету ее не раз останавливали, а в Этампе она увидела то, о чем ее предупреждал Франсуа. Войска маршала де Тюренна заперли солдат приспешника принца Конде Шаваньяка в прочных стенах с могучим донжоном, где когда-то держали в заточении королев¹. Под контролем де Тюренна находилась и дорога на Париж.

Однако это не помешало герцогине де Шатильон встретить наилучший прием. Офицеры и того и другого войска были людьми одного круга, отличались отменным воспитанием, и перед герцогиней, родственницей принцессы де Конде, кузиной и подругой детства господина принца, распахнулись ворота осажденного города, чтобы она могла переночевать на единственном приличном постоялом дворе. Де Тюренн лично проводил ее до крепостных стен, где ее уже ожидал де Шаваньяк. Однако Изабель пришлось пообещать легко вспыхивающему мар-

¹ В этом донжоне была заточена Ингеборг Датская, вторая супруга Филиппа Августа, и Жанна Бургундская, жена Филиппа VI. (*Прим. пер.*)

шалу, что она непременно с ним пообедает. Совсем недавно маршал был страстно влюблен в госпожу де Лонгвиль, совершая ради нее всевозможные безумства... Но на измену королю он был неспособен. Вид любого испанца превращал маршала в яростного быка, перед глазами которого замаячила красная тряпка. А в остальном он был до кончиков ногтей дворянин и умел ценить красоту. Со своей гостьей он вел себя как галантный кавалер и проводил ее до особой дверцы в стене, где ее уже ждал Шаваньяк, преисполненный не меньшей любезности. И когда, хорошенько отдохнув, Изабель поутру садилась в карету, она была немало удивлена, когда оба командующих дали ей охранные грамоты и вдобавок по небольшому эскорту для ее сопровождения. От эскорта Изабель отказалась.

— Я бесконечно вам благодарна, господа, — сказала она галантным противникам, — но мне будет достаточно ваших грамот. Я боюсь, что ваши солдаты, проводив меня до Парижа, тотчас же, как останутся одни, вступят в рукопашную.

— Вы ошибаетесь на их счет, госпожа герцогиня, — возразил маршал де Тюренн. — Они дворяне, и слово чести для них...

— Господин маршал, — ответила ему Изабель, вооружившись своей самой ослепительной улыбкой, — со словом чести обращаются теперь точно так же, как со всеми прочими вещами: дают, сначала у кого-то отобрав. Или я не права?

— Ваше право иметь собственное мнение, — не стал спорить де Шаваньяк, — но мои люди получили точные указания.

— Мои тоже! — добавил де Тюренн. — Вы слыш-